

сколько бывало пріятныхъ свиданій, сколько радостныхъ рѣчей лилось изъ высоко вздымавшійся груди моей! То въ тѣни лиственныхъ деревъ, то на тихо колыхающихся волнахъ залива Онеги... Вѣдь былъ и я на самомъ дѣлѣ молодъ и достоинъ... И я мечталъ стать чѣмъ-нибудь... не менѣше товарища, который теперь „его п—ство“! Тогда! тогда, тогда!.. А теперь что я? Обремененный семействомъ, въ послѣднемъ чинѣ, влачу жизнь, какъ судьба велѣла! Вонъ тамъ огонекъ свѣтитъ: тамъ шумъ, веселье! Туда и сердце меня влечетъ. Прощай навѣки, мечты пробуждающая луна! Съ этихъ поръ мнѣ одна отрада—мечтать лишь при свѣтилахъ Бахуса! А свѣтъ идеальныхъ стремленій, умственный свѣточъ наукъ и искусства — это все въ нашемъ братѣ давно ужъ потухло”...

Поздравленіе Сямозера жителями его береговъ съ первымъ мая 1868 года.

Это было во время моего пребыванія въ 1868 году въ Сямозерскомъ погостѣ, въ исходѣ мая, въ одинъ изъ прекрасныхъ майскихъ вечеровъ: озеро стояло какъ зеркало; при самомъ закатѣ солнца вдругъ сдѣлалась сильная буря; небо заволоклось то красными багровыми, то свинцовыми густыми

облаками. Большое озеро, нѣсколько минутъ назадъ свѣтлѣвшее какъ хрусталь, тутъ вдругъ почернѣло, забушевало самыми яростными волнами. Эта картина произвела на меня чрезвычайное сильное впечатлѣніе,—что и вызвало невольно меня взяться за перо и въ тотъ же моментъ соткать стишокъ—въ томъ видѣ, какъ онъ вслѣдъ за симъ здѣсь и помѣщается.

Старикъ Сямозера! Ты—отецъ нашъ! Мы пришли тебя поздравить Съ первымъ числомъ мая! Какъ ты примѣши насъ? Съ улыбающимся лицомъ Или съ нахмуреннымъ лицомъ? Мы, какъ дѣти, Стоимъ предъ отцомъ, Ожидая твоей ласки, Или строгаго выговора. Что жъ ты молчишь? Отвѣчай! Мы вѣдь Дѣти твои! Столько лѣтъ Насъ поилъ и кормилъ ты, И лежаѧ какъ родныхъ Птенцовъ своихъ!

.... Но было еще рано:
Онъ отдыхалъ
Послѣ продолжительного сна,
Покрывшись плотно
Бѣлой пеленою.
Но онъ видѣть и слышитъ
И нашъ привѣтъ, и наши мысли.
Вотъ сталь съ себя снимать
Край покрываала.
Вотъ поднялъ голову
И, обративъ къ намъ лицо,
Пристально смотритъ на насъ,
И тяжело вздохнулъ,
И не спѣшишь отвѣтить.
Видимо, тяжелою думой
Покрыто его
Возвышенное чело.
И лежитъ на груди его
Какая-то тяжесть.
Наконецъ, разверзъ онъ уста
И снова глубокій
Вылетѣлъ вздохъ...
И обратился онъ къ намъ
Съ рѣчью такою:
„Правда ли, что вы,
Какъ къ отцу родному,
Ко мнѣ всѣ пришли

Отъ чистаго сердца
Съ вашимъ дѣтскимъ привѣтомъ?⁴⁾
Потомъ съ напряженною силой,
Стараясь главу приподнять,
По прежнему тяжко вздыхая,
Поднялъ правую руку,
И на небо намъ указалъ.
„Вотъ! вы прогнѣвили Его!
Молитесь, просите!
Милость — оттуда!“
Еще отдохнулъ онъ немнога
И умягченною рѣчью вѣщаю:
„Ахъ! дѣти, дѣти!
То ли вы дѣлаете,
Чтѣ надо вамъ дѣлать?
Помните осень прошкшую ¹⁾,
Загляните въ ваши амбары,
Посмотрите подъ ногами, гдѣ вы стонте.
Оглянитесь вокругъ себя!
Двѣ недѣли, какъ снѣгъ сошелъ,
А поля чернѣютъ,
Будто вчера изъ подъ плуга оставленныя.
Нѣтъ того виду,
Какъ прежде бывало — зеленѣло
Гуще зеленаго бархата.

⁴⁾ Эта осень 1867 года, когда весь хлѣбъ погибъ отъ мороза.

При всей этой плачевной картинѣ
Вы даже нисколько
Не сознаете своего положенія,
Не умѣете пользоваться
Даже щедротами Государя:
Пожертвованный хлѣбъ —
Эту высокую милость —
При всей своей плачевной бѣдности,
Употребляете во зло.
Даримую на пропитаніе
Дѣтей вашихъ муку
Куда вы носите?"...
Мы подсказали: „Въ кабакъ!"
А стариkъ продолжалъ нась сурово корить:
„Вы своимъ поведеніемъ
Такъ низко уронили себя..."
И передъ Богомъ,
И передъ совѣстью,
Передъ Правительствомъ,
Передъ Начальствомъ
И даже передъ своими собратьями, —
Такъ можете ли вы
Называться дѣтьми моими?"
Чистосердечна ли радость,
Съ которой вы встрѣчаете лѣто?
Веселить ли вѣсть первое мая?"...

Первая поэзія въ сѣверной оконечности Корелии

(1849 года).

Относительно развитія нашего природнаго языка можно сказать утвердительно, что это единственный народъ на европейской почвѣ, за исключеніемъ лопарей и самоѣдовъ, которому удалось сохранить свой языкъ въ первобытномъ состояніи отъ глубокой древности неизмѣннымъ до нашихъ дней.

Я не ошибусь, если скажу: какъ говорили корелы во времена Рюрика, такъ говорятъ они и въ настоящее время. У корель нѣть никакихъ преданій, ни историческихъ разсказовъ, и никакихъ, хотя бы безтолковыхъ, стихоплетеній. Безъ сомнѣнія, и я не болѣе какъ такой же тупорной работы корела. Но мое самолюбіе подстрекнуло меня испробовать, доступно ли корельскому языку хотя какого-либо рода стихосложеніе, въ нѣжныхъ выраженіяхъ поэтическихъ чувствъ, и я помѣщаю здѣсь нѣсколько пѣсень, сложенныхъ мною на корельскомъ языкѣ, въ сопровожденіи ихъ дословнымъ ихъ русскимъ переводомъ. Корельскій текстъ передается, конечно, русскими буквами, нарѣчіемъ южной оконечности Корелии.